

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД О ТОМСКОМ МОГИЛЬНИКЕ

Представлены материалы об открытии и исследовании в 1887 г. А.В. Адриановым и С.К. Кузнецовым Томского могильника. На основании архивных материалов Российского государственного архива древних актов, Российского государственного архива литературы и искусства, Рукописного архива Института истории материальной культуры РАН освещаются события в жизни научного сообщества г. Томска, связанные с раскопками могильника. Показана роль Императорской Археологической комиссии и ее председателя А.А. Бобринского в решении спора о праве исследования памятника.

Ключевые слова: Томский могильник; А.В. Адрианов; С.К. Кузнецов; Археологическая комиссия.

Томский могильник на Лагерном мысу – один из известнейших археологических памятников Западной Сибири. Погребения этого некрополя относятся к длительному периоду времени от эпохи неолита до железного века. История первых лет исследования этого уникального могильника связана с именами Александра Васильевича Адрианова и Степана (Стефана) Кировича Кузнецова [1. С. 8–10; 2. С. 10].

Лавры первооткрывателя памятника и его первого исследователя отдаются А.В. Адрианову. Эта традиция берет свое начало от первой публикации, появившейся в 1889 г. в Отчетах Императорской Археологической комиссии. В опубликованных от имени комиссии выдержках из дневников А.В. Адрианова эта версия недвусмысленно утверждается. «10-го апреля 1887 г. крестьянин Лапшин¹ доставил г. Адрианову несколько черепков с орнаментом и других предметов, найденных им в полуверсте от последних городских построек, вверх по правому берегу р. Томи. Две – три экскурсии, сделанные г. Адриановым на месте находок (12, 13 и 24 апреля), осмотр местности и пробные раскопки привели его к открытию весьма интересного могильника, который он затем нашел возможность раскопать от имени и на средства Императорской Археологической комиссии. Раскопки проводились во второй половине мая, в течение июня и, с перерывами, в июле 1887 г. и закончены летом 1889» [3. С. 99]. Никаких других имен в отчете ИАК нет.

М.Н. Комарова, первой опубликовавшая результаты исследований могильника, пишет в 1952 г. о раскопках А.В. Адрианова, начатых в 1887 г. и продолженных в 1889 г. Она упоминает имя С.К. Кузнецова только в связи с его работами в 1889 г. [1. С. 8–9]. Эта же версия изложена в многотомной «Истории Сибири», первый том которой вышел в 1968 г. [4. С. 18]. В 1996 г. М.Э. Дэвлет упомянула о начале раскопок могильника С.К. Кузнецовым в 1887 г. и о его трениях с А.В. Адриановым [5. С. 37–42]. О совместной работе на Томском могильнике А.В. Адрианова и С.К. Кузнецова упоминалось и позднее [6. С. 611].

В действительности между двумя любителями сибирских древностей разгорелась нешуточная борьба за признание приоритета первооткрывателя и право раскопок могильника. Борьба на ниве археологии подогревалась конфликтом идеологическим, так как ее участники принадлежали к различным общественным группам. В эту борьбу оказалась вовлечена часть университетского сообщества Томска, губернские власти и Императорская Археологическая комиссия. При знакомстве с документами выстраиваются две параллель-

ные сюжетные линии, отличающиеся не только содержанием деталей, но принципиальной разницей в интерпретации событий. Согласно версии А.В. Адрианова, он впервые получил известия о находках от некоего чернорабочего и мещанина Лакшина, знакомство с которым он «завел в разных слоях» с целью сбора сведений о древностях. Лакшин «в первые дни Пасхи, свободный от работы, ходил по оврагу, разрезающему лагерный мыс под Томском (на прав. берегу Томи, в черте города), и принес из осыпей несколько черепков с орнаментом и сообщил, что видел обломки костей». Это произошло 10 апреля 1887 г. [7. Л. 1]. Заинтересовавшись находками, А.В. Адрианов 12 и 13 апреля предпринял две «экскурсии» на место их обнаружения. К участию в «экскурсиях» он пригласил Д.А. Клеменца, «специально занимавшегося археологией Минусинского края». В первый день любители древностей «искрестили» весь мыс, нашли «черепки с древним орнаментом... и бронзовые вещи – пуговицу и сережку», сняли план памятника. Участники экскурсии решили на следующий день, 13 апреля, «сделать новую экскурсию для небольшой раскопки... Срезая уже частью разрушенные борта оврага в разных местах, мы нашли несколько бронзовых вещей, много черепков, несколько вещей из камня и кости. Между бронзовыми были дов. оригинальные небольшие ножи, пуговицы и серьги; кости попадались в таком состоянии, что их нельзя было взять в руки – они растирались между пальцами в порошок. Совокупность находок указывала на большую древность этих остатков» [7. Л. 1 об.].

Анализ полученных в результате «экскурсий» и «раскопки» материалов убедил А.В. Адрианова в их научной значимости. 19 апреля он отправляет письмо в Археологическую комиссию с просьбой выдать ему «формальное разрешение на производство раскопок с научными целями, не ограничивая это разрешение ни каким-либо определенным местом, ни временем». Судя по этому письму, А.В. Адрианов имел весьма амбициозные планы, надеясь развернуть обширные исследования в Сибири, «системное исследование страны» и охрану древностей. Лишь в одном абзаце автор указывает, что «весной, в 87 г., мне удалось открыть стоянки и на правом берегу Томи, выше города» [8. Л. 14–15].

Свои соображения по поводу открытого могильника А.В. Адрианов изложил в письме к Д.Н. Анучину, написанном не позднее 24 апреля, а скорее всего, ранее. К письму он присовокупил статью, которую хотел опубликовать. А.В. Адрианов просил Д.Н. Анучина похлопотать в Московском археологическом обществе

(МАО) о выдаче разрешения на раскопки. Обращение не осталось без внимания, и А.В. Адрианов получил от МАО «свидетельство на раскопки» и поручение составить о них отчет [7. Л. 1 об., 3 об.].

Версия С.К. Кузнецова практически идентична, только главным действующим лицом он видит себя. В Томске с 6 по 12 апреля проходила этнографическая выставка, в состав организационного комитета которой входили все участники событий. Как писала «Сибирская газета», «усилению интереса много способствовали устные подробные объяснения, которые давал в течение всей недели, с утра и до вечера, неутомимый Ст.К. Кузнецов, библиотекарь университета; труд его разделяли Д.А. Клеменц и А.В. Адрианов» [9. С. 577].

Именно на выставке «в среду, на пасхальной неделе»² появился «местный кладоискатель... мещанин Сечкин» и «предъявил находки... заведующему выставкой Макушину»³, в присутствии моем и зрителя уездного училища Буткеева⁴; Адрианов подошел позже. Узнав о месте находки, я во всеуслышание заявил, что не премину заняться тут разысканиями». По версии С.К. Кузнецова, бывшие при этом разговоре А.В. Адрианов и Д.А. Клеменц на следующий день на выставку не явились, «а занялись разведкой могильника» [8. Л. 26]. Сам же С.К. Кузнецов, как член оргкомитета «будучи занят объяснением публике выставочных предметов», впервые смог посетить памятник только после окончания выставки – 13 апреля [8. Л. 9]. Удостоверившись в научной значимости обнаруженного могильника, С.К. Кузнецов, по его словам, прежде чем обратиться в Археологическую комиссию за разрешением, «заручился согласием на совместные раскопки со стороны гг. Клеменца и Адрианова, местных археологов и натуралистов по образованию, тем более, что в их руках уже имелось некоторое количество предметов, найденных ими на этом пункте» и к тому же «оба названных лица известны в литературе, особенно г. Клеменц» [8. Л. 9 об.].

С.К. Кузнецов утверждал, что он, прежде чем телеграфировать в Археологическую комиссию, 15 апреля предложил А.В. Адрианову самому обратиться в Петербург, на что последний ответил уклончиво. И только после этого, 21 апреля⁵ С.К. Кузнецов отправил в Археологическую комиссию телеграмму с просьбой выдать ему разрешение на раскопки [8. Л. 26 об.]. Версия С.К. Кузнецова отдает ему первенство провозглашения намерения исследовать могильник, а А.В. Адрианова и Д.А. Клеменца представляет в невыгодном для них свете, как воспользовавшимися занятостью С.К. Кузнецова и в его отсутствие начавшими работы на памятнике без какого-либо официального разрешения. Археологическая комиссия проявила похвальную оперативность и уже 23 апреля телеграфировала томскому губернатору и лично С.К. Кузнецову о выделении последнему 200 рублей «на разведывание могильника». На следующий день А.А. Бобринским были подписаны официальные письма, подтверждающие полномочия С.К. Кузнецова, а также требования к раскопкам. Губернатора просили «оказать г. Кузнецову благосклонное содействие к успешному выполнению... поручения» [8. Л. 1–5]. Имени А.В. Адрианова в этих документах нет. Получив из Петербурга разрешение, С.К. Кузнецов 25 апреля начинает работы на могильнике [8. Л. 9 об.–10]. Можно

утверждать, что известие о первых находках на могильнике было получено обоими фигурантами от третьих лиц – 7 или 10 апреля 1887 г. Работы на могильнике, не дожидаясь какого-либо разрешения, первым начал А.В. Адрианов. Он же первый, 19 апреля, обратился с письмом в Археологическую комиссию. С.К. Кузнецов сделал это позднее, 21 апреля, но телеграммой, что и обеспечило ему первенство в получении разрешения на работы и средств на раскопки. На этом кончается первый, относительно «мирный» этап интриги вокруг Томского могильника.

Получив известия из Археологической комиссии, С.К. Кузнецов, по его словам, 25 апреля «любезною запиской» поставил в известность А.В. Адрианова [8. Л. 26 об.]. По версии А.В. Адрианова, «г. Кузнецов извещает меня запиской, что он получил от Археологической комиссии разрешение на раскопку и уведомил о переводе на этот предмет 200 руб., о чем просит меня напечатать в ближайшем №-ре редактируемой мною “Сибирской газеты” и кроме того, просит меня и г. Клеменца принять участие в его раскопках» [7. Л. 1 об.]. Просьба С.К. Кузнецова была выполнена, и 26 апреля в газете появилась заметка следующего содержания. «С.К. Кузнецов, библиотекарь Сибирского университета, известил нас, что он получил от председателя императ. Археологической комиссии ответную телеграмму, разрешающую раскопки в окрестностях Томска, для какой цели ему выслана субсидия в 200 руб.» [10. С. 650].

В день выхода заметки на квартире Д.А. Клеменца, помимо прочих гостей, встретились А.В. Адрианов и С.К. Кузнецов. По словам А.В. Адрианова, С.К. Кузнецову «пришлось выслушать несколько замечаний от Клеменца насчет обычаев между людьми науки, насчет дозволенных и недозволенных приемов» [7. Л. 2 об.]. Сам же С.К. Кузнецов подобными упреками был раздосадован, заявив, «что было время и Адрианов мог остановить меня одним словом от всякого ходатайства о раскопках, стоило лишь сказать мне, что он с Клеменцом считают за собою, по сибирскому золотопромышленному обычаю, первенство, как первые наложившие руку на могильник» [7. Л. 27].

Участниками встречи было решено в тот же день вечером отправиться «на место находок древностей и там полюбовно решить, как продолжать работы, кому и что». По версии А.В. Адрианова, было решено, что «оба мыса, разрезанные оврагом и самый овраг подлежат исследованию мною, Кузнецов же будет исследовать прилегающую к мысу часть, чтобы он сделал свои находки» [7. Л. 2 об.]. С.К. Кузнецов утверждал, что стороны пришли к заключению, «что Адрианов будет рыть правый мыс, где производил разведки в течение недели» [8. Л. 27 об.]. А.В. Адрианов, дабы укрепить свои позиции, в эти же дни «случайно встретился» [7. Л. 2 об.] с исполняющим обязанности томского губернатора Н.Н. Петуховым⁶. А.В. Адрианову удалось внушить начальнику губернии сомнения в приоритете С.К. Кузнецова в части раскопок могильника. К тому же, Н.Н. Петухов был раздражен тем, что С.К. Кузнецов не сообщил ему об открытии памятника, а посему письма из Петербурга оказались для него полной неожиданностью [8. Л. 27]. 27 апреля Н.Н. Петухов отправляет в Археологическую комиссию телеграмму с

просьбой предоставить ведение работ на могильнике А.В. Адрианову, утверждая, что он «человек научно образованный, интересующийся делом и опытный в раскопках» и ранее уже проводил раскопки [8. Л. 7]. На следующий день, 28 апреля, Н.Н. Петухов вновь посылает телеграмму А.А. Бобринскому с просьбой уведомить «разрешено ли Вашим сиятельством библиотекарю Сибирского университета Кузнецову производить раскопку открытого близ Томска могильника» [8. Л. 6].

А.А. Бобринский, не желая усугублять ситуацию и противоречить губернатору, постарался примирить интересы исследователей. Граф 29 апреля извещает С.К. Кузнецова, что «губернатор просит о предоставлении раскопки Томского могильника кандидату Адрианову. Если затрудняетесь исполнением работ, передайте деньги и бумаги Адрианову, которого, во всяком случае, желательно привлечь к участию» [8. Л. 8–8 об.]. А самому губернатору сообщает, что «расследование Томского могильника предоставлено университетскому библиотекарю Кузнецову, который первый уведомил Комиссию об открытии и расхищении могильника и которому уже послано 200 руб. на немедленные раскопки. Но если встречается затруднение на предоставление ему работ, то на передачу их Адрианову от комиссии препятствий не имеется. Во всяком случае, научное содействие Адрианова в этом деле весьма желательно» [8. Л. 8 об.]. Получается, что Археологическая комиссия санкционировала любое решение, которое могло быть принято в Томске.

В сложившейся ситуации С.К. Кузнецов постарался сохранить свое формальное главенство. 30 апреля он направляет в Археологическую комиссию телеграмму с информацией о первых результатах работ и просьбой о содействии. «Желая исключительно заняться раскопками обширного богатого могильника покорнейше прошу ходатайствовать перед попечителем об освобождении меня четыре недели от библиотечных занятий» [8. Л. 11]. В этот же день С.К. Кузнецов вновь встречается с А.В. Адриановым. К консенсусу они не пришли, и по предложению С.К. Кузнецова, решили предоставить дело на рассмотрение третейского суда [7. Л. 2; 8. Л. 33–34]. Пожалуй, это первая, а возможно, единственная ситуация в истории российской археологии, когда признание права на исследование древнего памятника отдавалось на волю третейского суда. В Российской империи существовали «добровольные третейские суды», деятельность которых регулировалась «Уставом гражданского делопроизводства». Никаких принудительных решений они принимать не могли. «Здесь воля частных лиц вполне заменяет те необходимые условия, коими правительство обязано охранять достижение истины в суде» [11. С. 653]. Подобные суды обычно действовали в части имущественных споров, но в повседневной практике были редким явлением. Так что предложенную С.К. Кузнецовым форму разрешения конфликта можно рассматривать как весьма оригинальную и неожиданную.

В результате переговоров сторон в состав суда было включено семь человек: уже известные нам Н.Н. Петухов и П.И. Макушин, а также семипалатинский экспрокурор и бывший поверенный городской управы К.А. Протопопов, писатель-маринист К.М. Станюкович, директор Алексеевского томского реального училища Г.К. Тюменцев, садовник Томского университета

и будущий профессор П.Н. Крылов и А.Ф. Жилль, богатый купец, золотопромышленник, близкий университетским кругам меценат. По версии С.К. Кузнецова, им были предложены кандидатуры П.И. Макушина и Г.К. Тюменцева, А.В. Адриановым – К.М. Станюковича, К.А. Протопопова и А.Ф. Жилля. Кандидатуры Н.Н. Петухова и П.Н. Крылова выдвинуты обеими сторонами [8. Л. 28]. По словам А.В. Адрианова, в составе суда было «одно лично мне известное лицо г. Протопопова, как юриста, знакомого с обрядностью и проч. формами третейского разбирательства... остальные судьи были указаны Кузнецовым» [7. Л. 2]. А.В. Адрианов кривил душой, когда утверждал, что ему известно только одно лицо – К.А. Протопопов⁷. П.И. Макушин был одним из основателей и издателем «Сибирской газеты», корреспондентом, редактором, а несколько лет и издателем которой являлся А.В. Адрианов. Этих двух людей связывали близкие многолетние отношения. С К.М. Станюковичем, также сотрудником «Сибирской газеты» (1885–1888 гг.), А.В. Адрианов, помимо трудов в редакции, неоднократно встречался на квартире Д.А. Клеменца, где они любили перекинуться в винт [5. С. 22]. С П.Н. Крыловым А.В. Адрианов также часто встречался, беседуя о проблемах Сибири [12. Л. 52–53]. С председателем третейского суда Н.Н. Петуховым, который являлся официальным цензором «Сибирской газеты», А.В. Адрианов по делам издания виделся еженедельно [8. Л. 31 об.]. Временный начальник губернии относился к А.В. Адрианову достаточно лояльно. Позднее, за несколько дней до появления в городе нового губернатора А.И. Лакса, назначил его секретарем губернского статистического комитета⁸.

Третейский суд состоялся 1 мая 1887 г. Перед судьями было поставлено три вопроса: 1. Кто первый открыл предполагаемый могильник: Кузнецов или Адрианов. 2. Кто имеет преимущественное право на раскопку могильника. 3. Заслуживают ли действия Кузнецова в этом деле осуждения.

Судьи пришли к следующим заключениям. По первому вопросу: «Ни Адрианова, ни Кузнецова открывателями признать нельзя. Археологическое значение местности под лагерями и далее до Спасского села известно давно, но к обследованию могильника приступил первый Адрианов». Отвечая на вопрос о приоритете на раскопки, судьи заявили, что им обладает «первый приступивший к обследованию могильника». В действиях С.К. Кузнецова судьи не увидели ничего предосудительного, посчитав, что осуждения они «не заслуживают, как добросовестные» [7. Л. 4]. Как мы видим, суд определил приоритет А.В. Адрианова на раскопки, но не утвердил его в качестве первооткрывателя памятника и отказался осудить действия С.К. Кузнецова. Сам С.К. Кузнецов считал, что председатель суда Н.Н. Петухов преднамеренно представлял дело в выгодном для А.В. Адрианова свете, тогда как все преимущества последнего сводятся к тому, «что он принялся копать могильник, не имея в руках разрешения» [8. Л. 28, 28 об.]. Касаясь дальнейших действий сторон «третейский суд признает гг. Адрианова и Кузнецова нравственно обязанными, в интересах науки, производить раскопки сообща по совместно выработанному плану» [7. Л. 4].

А.В. Адрианов посчитал суд выигранным и «подчиняясь решению суда... на другой же день явился к

г. Кузнецову, сообщил ему план работ, предложил открыть друг другу наши дневники и коллекции и работать вместе, на ближайших пунктах, но каждому самостоятельно» [7. Л. 3]. С.К. Кузнецов, датируя этот визит 3 мая, утверждал, что А.В. Адрианов первоначально претендовал на «оба мыса, на которые он считает за собой право первенства». С.К. Кузнецов же предполагал, что А.В. Адрианов «может, пожалуй, рыть правый мыс, где рылся раньше, а левый я оставляю за собой». Однако, уступая напору А.В. Адрианова, «только для скорейшего окончания разговора я уступил половину своего права на раскопку второго (правого) мыса» [8. Л. 29, 29 об.]. Но взаимопонимания между исследователями не наступило, каждый подозревал и обвинял оппонента в сокрытии информации и находок. Конфликт был неизбежен. Вскоре он разгорелся с новой силой. Причиной стал сторож Осип Тарута, нанятый С.К. Кузнецовым для охраны могильника еще 20 апреля. А.В. Адрианов обвинил С.К. Кузнецова, что тот нанял этого старика исключительно для «шпионства» за раскопками. «Я заметил, что караульный за мной наблюдает... При расспросах моих он должен был сказать мне, что ему поручил наблюдать за мной Кузнецов, не говоря мне об этом распоряжении, что он требовал от него, под угрозой расчета, сообщать когда я приезжаю на работы, как их веду, что вынимаю из земли и т.д., что он, а не я здесь хозяин» [7. Л. 3 об.]. Считая себя оскорбленным, А.В. Адрианов, не желая лично встречаться с С.К. Кузнецовым, 24 мая направил ему письмо, в котором дезавуировал все договоренности. «Теперь эту совместную работу – после вышеизложенного инцидента... я признаю невозможной для себя и заявляю – если решение суда о моих преимуществах Вы не считаете за пустые слова – что районом моих раскопок я считаю оба мыса под лагерьями и разделяющий их овраг на всем его протяжении... Поэтому, я покорнейше прошу Вас оставить начатые Вами обследования и съемку земли на первом мысу, по крайней мере, до тех пор, пока не будет здесь получено уведомление Археологической комиссии. Которой я, вместе с сим, сообщил о происшедшем» [8. Л. 23 об. – 24]. Но письмо на имя А.А. Бобринского А.В. Адрианов начал писать только 28 мая 1887 г.

Тем не менее, оба исследователя продолжали свои работы вплоть до середины июня. Хотя их отношения окончательно испортились, а А.В. Адрианов «обнес место своих раскопок совершенно неприступным забором» [8. Л. 30]. К этому времени Археологическая комиссия потеряла надежду, что конфликт между томскими археологами разрешится на месте. 13 июня Археологическая комиссия направила А.В. Адрианову отношение, в котором извещала об отказе выдать ему открытый лист «без всякого ограничения работ Ваших ни каким-либо определенным местом, ни временем», но сообщала, что направляет ему открытый лист на «производство раскопок в Томской губернии», здесь же были подробно изложены требования комиссии к проведению работ и отчетности по ним [8. Л. 16–17]. Последнее было реакцией на неоднократные заявления А.В. Адрианова, что он не знаком с требованиями, предъявляемыми комиссией к проведению раскопок [8. Л. 14–15, 64–65]. В этот же день А.А. Бобринский обращается с письмом к С.К. Кузнецову, в котором, используя как предлог его

просьбу о ходатайстве о временном освобождении от «занятий по библиотеке», сообщал, что «находит неудобным ходатайствовать перед г. попечителем об освобождении Вас на 4 недели от библиотечных работ и поэтому покорнейше просит Вас предоставить дальнейшую раскопку могильника г. кандидату Адрианову» [8. Л. 12]. С этого момента комиссия стала относиться к А.В. Адрианову как к лицу, первым обратившемуся за разрешением на раскопки могильника.

Можно представить, насколько неожиданным и тяжелым было это известие для С.К. Кузнецова. Он, действовавший соответственно требованиям ИАК и не начинавший работ до получения разрешения от нее, в результате оказался отстраненным той же комиссией от раскопок. «Я только не приступал к исследованию в смысле раскопок и не рылся, подобно Адрианову, целые дни, не испросив на то разрешения» [8. Л. 26]. Но С.К. Кузнецов подчинился требованиям ИАК, «передал руководство раскопок могильника кандидату Адрианову и снял 8 июля поставленного мною караульного» [8. Л. 21]. Но более всего С.К. Кузнецова возмутило, что комиссия, по его мнению, основывала свое решение на утверждении А.В. Адрианова о «шпионстве». Тем более что А.В. Адрианов сообщил об этом П.С. Уваровой и в газеты. «Самый факт шпионства над собратом по оружию столь гнусен, что признать его достоверность, – значит подвергнуть меня неизгладимому позору, закрыть для меня двери всех ученых обществ... Поступок Адрианова должен быть разоблачен» [8. Л. 21–21 об.].

Эти обстоятельства подвинули С.К. Кузнецова на пространное обращение в Археологическую комиссию, которое он отправил двумя письмами в июле 1887 г. с приложением копий всех документов, заверенных местным полицмейстером с приложением печати Томского городского полицейского управления. С.К. Кузнецов уже не скрывает своего отношения к А.В. Адрианову, который изначально не упускал случая «задеть» и «уколоть» его в «Сибирской газете», так как «не терпит почему-то университета». Да и местное общество, по словам университетского библиотекаря, «ко всякому приезжему относится подозрительно, как к негодному отбросу Европ. России» [8. Л. 21 об.–22, 26–32 об.]. Разрешившийся, казалось бы, конфликт вновь обострился в конце 1887 г. А.В. Адрианов 25 октября отправляет в Археологическую комиссию письмо, в котором сообщает, что он «не получил ни копейки» из средств, выделенных комиссией С.К. Кузнецову на раскопки, и посему «производил работы на свой счет». А так как он «человек нуждающийся», то на подготовку отчета денег нет [8. Л. 74–75 об.].

По получении письма А.А. Бобринский окончательно понял, что разрешить конфликт ему не удастся. И решил переложить решение вопроса на плечи местной администрации. 25 ноября он обратился с письмами к А.В. Адрианову и С.К. Кузнецову, в коих сообщил, что «комиссия... отнеслась к г. томскому губернатору с просьбой принять на себя разрешение возникших недомумений и передать дальнейшее ведение дела вместе с оставшимися от произведенных работ деньгами тому из вас, за которым Его превосходительство признает на то большее право» [8. Л. 66–67, 70]. Отправленное в тот же день письмо А.А. Бобринского к губернатору было по-

мечено грифом «конфиденциально». В нем граф объяснял начальнику губернии, что «не имея возможности войти в рассмотрение этих недоразумений и составить себе по полученным доселе заявлениям ясное понятие о том, кто из обоих собственно прав в этом деле, императорская Археологическая комиссия считает долгом обратиться к Вам с покорнейшей просьбой принять на себя разрешение возникшего недоразумения и, передав дальнейшее ведение раскопки с оставшимися от произведенных работ деньгами, по усмотрению Вашему, тому из них, за которым Вы изволите на то признать большее право» [8. Л. 68]. Местное начальство вновь оказалось на стороне А.В. Адрианова. Губернатор А.И. Лакс «конфиденциально» сообщил А.А. Бобринскому, «что дальнейшее ведение раскопки предоставлено мною г. Адрианову не только потому, что он известен мне лучше, чем г. Кузнецов, и по службе мне подчинен, но и потому, что третейский суд, состоявшийся для разбора возникших между гг. Кузнецовым и Адриановым пререканий, признал за последним преимущественное на эту раскопку право» [8. Л. 69].

Противостояние между А.В. Адриановым и С.К. Кузнецовым продолжилось и во время раскопок могильника в 1889 г. Но новый томский губернатор А.П. Булюбаш отказал А.В. Адрианову в поддержке. А.В. Адрианов писал Г.Н. Потанину: «Из-за раскопок с Кузнецовым у меня опять вышла история. Он начал копать на месте моих раскопок... Университет (правление) сообщил губернатору о том, что я произвожу тут раскопки, а Булюбаш через полицию остановил мои работы. Тогда я телеграфировал комиссии и она по телеграфу же сообщила губернатору и университету, что раскопка Томского могильника предоставлена мне, а не Кузнецову, которому предоставлено копать в пяти других местах. Дело приняло такой оборот, что вчера ректор прислал мне письмо и просит позволения докончить Кузнецову раскопку; я ответил, что с таким господином я в соглашение вступать не могу и прежде, чем дать позволение, желаю знать, что им найдено и сообразно с этим позволю или нет окончить раскопки» [12. Л. 51 об.]. Археологическая комиссия в 1889 г. вновь встала на сторону А.В. Адрианова, подтвердив его право раскопок могильника [13. Л. 5], что не помешало С.К. Кузнецову провести работы, ссылаясь на решение Совета Томского университета [13. Л. 1, 4].

Что нового для истории археологической науки может содержать эта, казалось бы, сугубо личная интрига двух любителей древностей? Несомненно, письма А.В. Адрианова и С.К. Кузнецова содержат новые факты, касающиеся открытия и первых шагов в исследовании Томского могильника. Это документальное подтверждение участия С.К. Кузнецова в раскопках могильника начиная с апреля 1887 г. М.А. Дэвлет, говоря об участии К.С. Кузнецова в работах 1887 г., ссылаясь только на полемические публикации в местной печати. Кроме того, в первых «экскурсиях» на Томский могильник принимал участие Д.А. Клеменц, что ранее не было известно. И в дальнейшем Д.А. Клеменц не оставался в стороне от проблем этого памятника.

Материалами, опубликованными М.Н. Комаровой, не исчерпываются результаты исследования могильника. По ее мнению, Томский могильник располагался на двух мысах, разделенных оврагом, и в 1887 г. исследо-

вался только А.В. Адриановым, сосредоточившим свое внимание на мысу, располагавшемся на северной стороне оврага, на так называемом «Большом мысу». Он также работал здесь в 1889 г. М.Н. Комарова утверждает, что С.К. Кузнецов работал на Большом мысу только в 1889 г. Работы на Малом мысу, севернее Большого, были проведены в 1889 г. А.В. Адриановым [1. С. 8–10]. В интерпретации М.Н. Комаровой не совсем ясно, соотносятся ли так называемые Большой и Малый мысы с двумя мысами по правую и левую сторонам оврага, о которых говорят и А.В. Адрианов, и С.К. Кузнецов. Соперники, касаясь работ 1887 г., неоднократно говорят о раскопках на обоих мысах. В своем письме к А.А. Бобринскому от 28 мая 1887 г. А.В. Адрианов так описывает памятник. «Мыс этот рассечен глубоким оврагом саженой около 100 длиной. Большая и высокая часть мыса, наиболее выдающаяся к Томи находится на *левой стороне оврага*... На этой части именно и начал раскопки Кузнецов. Более нижняя часть мыса *по правой стороне оврага*... (Здесь и далее в цитатах курсив наш. – А.С.) сильно разрушается и представляет превосходные обнажения и осыпи. С внешней стороны мыс этот не имеет отличий кроме того, что на нем находятся два плоских небольших бугра... На одном бугре караульный вырыл землянку...» [7. Л. 2].

В своем письме в ИАК от 25 октября 1887 г. А.В. Адрианов вновь говорит о работах на двух мысах по обе стороны оврага. «*Нижняя часть, по правую сторону оврага, раскапывалась мною... По левую сторону оврага раскопки производились г. Кузнецовым*, но вследствие предложения Комиссии от 15 июня *они переданы мне. Я только мог здесь начать работу и за отсутствием средств сделал очень мало*» [8. Л. 74, 74 об.]. Этим данным не противоречат и сведения С.К. Кузнецова. «Когда мы начали раскопки, я на *левом (первом) мысу, а раньше меня Адрианов на правом (втором)*» [8. Л. 29 об.]. Можно утверждать, что детали описания памятника, история раскопок А.В. Адрианова и С.К. Кузнецова позволяют соотнести «правую сторону оврага» с Большим мысом. С.К. Кузнецов указывает, что первые разведки А.С. Адриановым и Д.А. Клеменцом были произведены «на правом (втором) мысе», а сам он начал работать «на левом (первом) мысу» [8. Л. 26, 29 об.]. Логично предположить, что «отсчет» мысов велся от города. В этом случае «левый мыс» находится южнее «правого». Предположение подтверждается словами С.К. Кузнецова, что он взял на себя раскопки первого (южного) мыса [8. Л. 47] (рис. 1). Можно утверждать, что работы в 1887 г. проводились на обоих мысах, по две стороны оврага. С.К. Кузнецов работал на одном мысе, а А.В. Адрианов копал на обоих. Недаром С.К. Кузнецов указывал: «...нас разделял овраг почти на 100 сажень друг от друга» [8. Л. 30]. Причем «на правой стороне оврага» (на Большом мысе) А.В. Адрианов копал как в его южной, так и в северной части, о чем он сообщил в письме к А.А. Бобринскому, утверждая, что начал работы «на северной половине мыса, которую я захватил только частью, перейдя с работами на южную половину» [7. Л. 2–2 об.]. Это расходится с версией М.Н. Комаровой, утверждавшей, что в 1887 г. копался только Большой мыс в его южной части [1. С. 8].

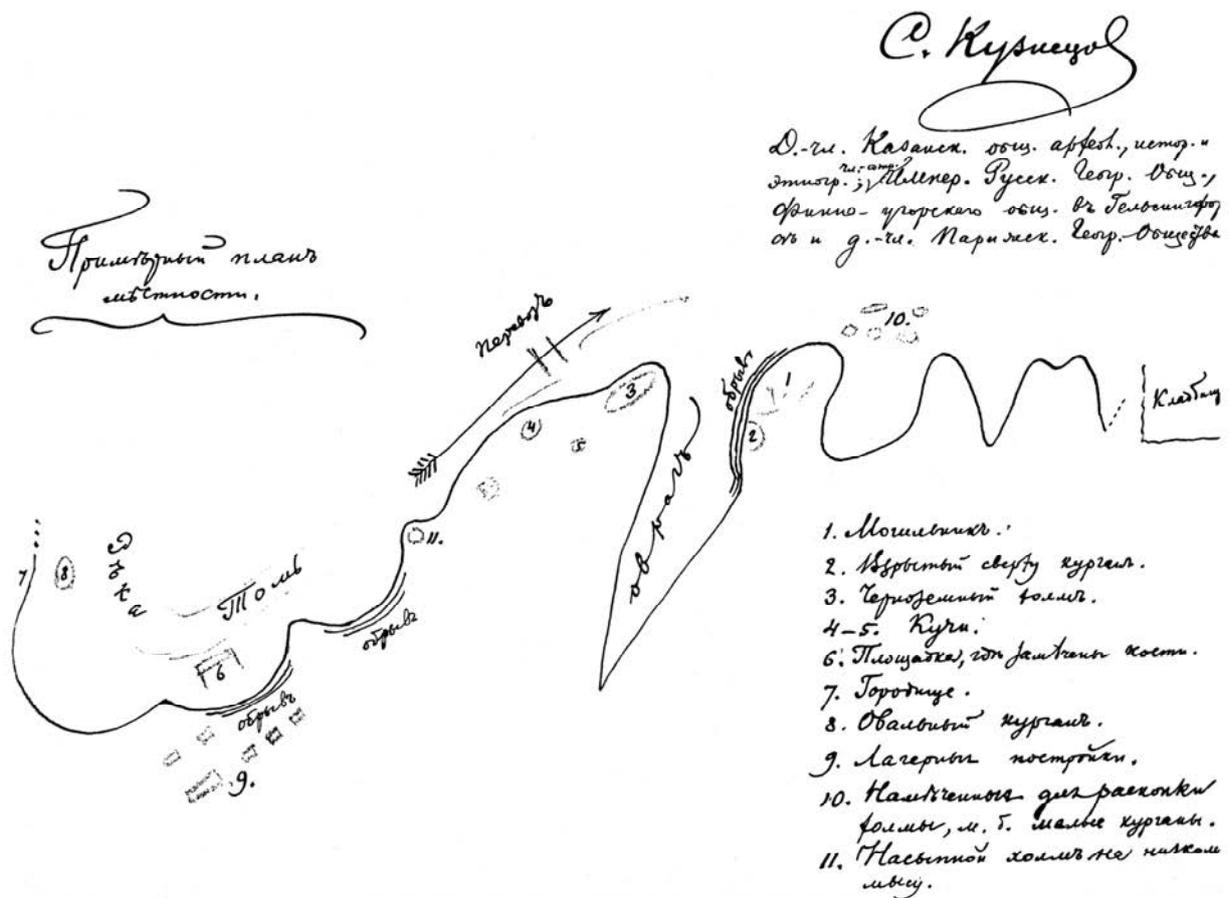

Рис. 1. «Примерный план местности», снятый С.К. Кузнецовым в апреле 1887 г. (РА НА ИИМК. Ф. 1, 1887. Д. 26. Л. 10 об.)

Полевая методика обоих исследователей, как совершенно справедливо указывала М.Н. Комарова, была далека от совершенства. Хотя, вопреки ее мнению, для них эти работы были не первой пробой сил в археологии [1. С. 49]. А.В. Адрианов, несостоявшийся врач, выпускник физико-математического факультета Петербургского университета и местный журналист, был более известен как путешественник и этнограф. В 1883 г. он провел раскопки на Тагарском острове, обнаружив серию погребальных масок, находки которых привлекли к нему внимание археологов, в том числе А.С. Уварова. Но к описываемому времени А.В. Адрианов практически не имел статей по археологии.

С.К. Кузнецов, выпускник историко-филологического факультета Казанского университета (1877), был оставлен профессорским стипендиатом на кафедре римской словесности для подготовки к профессорскому званию и командирован на год в Дерптский университет. В 1880 г. утвержден в Казанском университете приват-доцентом, преподавал древние языки и классическую филологию. С 1879 г. он являлся хранителем университетского музея этнографии, древностей и изящных искусств и два года был секретарем Казанского общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. К моменту переезда в Сибирь (1885) «имел за собой некоторую археологическую практику и разрыл два могильника», опубликовал ряд статей и книг по археологической тематике. В 1887 г. С.К. Кузнецов рекомендовал себя как «действительно члена Казанского общества археологии, истории и

этнографии, члена-сотрудника Русского географического общества, Финно-угорского общества в Гельсингфорсе и действительного члена Парижского географического общества» [8. Л. 10 об.].

Примечательно, что первоначально исследователи по-разному интерпретировали исследуемый памятник. Если С.К. Кузнецов изначально считал его могильником [8. Л. 1], то А.В. Адрианов длительное время воспринимал его как стоянку [8. Л. 15]. В беседе с С.К. Кузнецовым 3 мая 1887 г. «Адрианов находил, что мы имеем место не с могильником, а с простой стоянкой» [8. Л. 29]. Но к концу мая А.В. Адрианов понял, что имеет дело с древним некрополем [7. Л. 1]. Возможно, отсюда проистекала и разница в полевой методике. А.В. Адрианов «находил удобным вертикальное рытье могильника», утверждая, что «всякую находку при вертикальном способе можно отметить в дневнике с помощью тщательной записи о глубине, положении вещей и пр., а что уже потом, по дневнику, можно начертить план могилы». Подобная методика не получила поддержки Археологической комиссии. Это было одной из главных причин, почему ИАК «нашла более удобным в своем отчете ограничиться извлечениями из представленного ей г. Адриановым дневника» [3. С. 100]. С.К. Кузнецов «считал необходимым, при обнаружении гробницы, снимать землю тончайшими слоями горизонтально... содержащий находки слой земли... просеивать, как это делалось при раскопках Ананьинского и Пьяноборского могильников, согласно постановлению совета Казанского общ. арх., ист. и этн.» [8. Л. 29–29 об.]. Он также критиковал оппонента за то,

что тот раскапывал могильник не на всю глубину культурного слоя, вследствие чего «многие могилы нижнего яруса совершенно ускользнули от г. Адрианова» [8. Л. 7 об.]. Парадоксально, но, хотя С.К. Кузнецов изначально стремился фиксировать погребальные комплексы и предлагал тщательную полевую методику, для последующих исследователей более информативными оказались записи А.В. Адрианова [1. С. 10].

Предлагаемые А.В. Адриановым интерпретации материала далеки от научных, даже учитывая уровень знаний о сибирских древностях в последней четверти XIX в. Недаром Археологическая комиссия при публикации материалов А.В. Адрианова сочла необходимым предупредить, что «предположение о принадлежности каменных и железных находок сравнительно другому времени сделано не г. Адриановым, а редакцией “извлечения”, равно и некоторые подробности в описании вещей принадлежат ей же» [3. С. 100]. С.К. Кузнецов в своих заключениях показал большой профессионализм. Если А.В. Адрианов по результатам своих первых обследований памятника смог констатировать лишь «большую древность этих остатков» [7. Л. 1 об.], то С.К. Кузнецов в первой же телеграмме, направленной в Археологическую комиссию, констатировал, что «обнаружен бронзовый могильник обширных размеров... обрыв мыса... заключает в черноземной толще разнообразные остатки каменного и, главным образом, бронзового века» [8. Л. 1, 9].

А.В. Адрианов, сообщая о результатах первых раскопок, писал А.А. Бобринскому: «нашел... костяк лошади без головы, лежавший на груди жженных и полуобгорелых костей, углей и головешек; на этом кострище находилась железная крышка (вполне напоминающая крышки от жестяных фунтовых коробок из под табаку), а недалеко от сюда я нашел железный гвоздь» [7. Л. 2]. Информация С.К. Кузнецова выглядела гораздо более научной. В конце апреля он телеграфировал в Петербург: «Имею честь уведомить комиссию, что мной вскрыто шесть могил, одна бронзового, одна каменного, четыре железного века» [8. Л. 11].

Многообразие интересов А.В. Адрианова, увлеченность этнографическими исследованиями, активная общественная и политическая деятельность, изменения в карьере и сложности личной жизни не лучшим образом отразились на его археологической деятельности. Ему постоянно не хватало времени и средств, чтобы закончить научную обработку материалов Томского могильника, составить полноценный научный отчет. Переписка на эту тему с Археологической комиссией растянулась на многие годы. Впервые вопрос о предоставлении отчета появился в письме А.В. Адрианова от 25 октября 1887 г., хотя содержащаяся в нем информация очень скудная. Автор пишет о найденных «металлических и каменных вещах», а отсутствие рисунков, планов и прочих материалов объясняет их отправкой на выставку археологического съезда в Ярославле [8. Л. 74–75]. Археологическая комиссия неоднократно обращалась к А.В. Адрианову с требованием предоставить отчет [8. Л. 85]. Но он в своих письмах 1887, 1888, 1889 гг. продолжал ссылаться на сложности с возвращением материалов с Ярославского археологического съезда, что якобы задерживает составление отчета [8. Л. 86–87, 88–89, 122]. В 1887 г. им еще не были окон-

чательно обработаны коллекции Минусинских курганов, которые он раскопал в 1883 г. [8. Л. 64 об.].

Отношения А.В. Адрианова с Археологической комиссией осложнились и финансовыми проблемами. Восстребовав в свою пользу остатки средств, выделенных С.К. Кузнецову, А.В. Адрианов не смог отчитаться в своих тратах. После прекращения в декабре 1888 г. выплаты жалования из Статистического комитета он оказался в сложном финансовом положении [5. С. 33]. В письме Г.Н. Потанину он жаловался: «...не знаю, как разделаюсь с комиссией, денег которой у меня находится 183 р., давно истраченных на свои нужды» [12. Л. 42].

Не исключено, что финансовые вопросы были одной из причин активного взаимодействия А.В. Адрианова с Московским археологическим обществом. Недаром он писал А.А. Бобринскому, что «комиссия, высылая деньги собственно на расходы по раскопкам, обязывает прислать все коллекции и подробный дневник, т.е. обработанную статью с описанием всех предметов. С другой стороны, Москов. археологич. общ. ... предлагает платить за археологич. статьи деньги... Должен сказать, что я совсем бедный человек и на свои личные средства не только не могу проводить раскопки, но не могу и обработать теперь отчет о раскопках *gratis*⁹» [8. Л. 64 об.]. Становится понятным, почему А.В. Адрианов, пренебрегая отчетами, сосредоточил усилия на написании статьи о раскопках могильника, которую подготовил для МАО. Хотя сам признавался в том, что «статья в Москву состоит из скучнейшего дневника и подробных описаний всех находок, без всяких выводов» [14. Л. 7 об.]. Но никаких трудов А.В. Адрианова, посвященных Томскому могильнику, ни в изданиях МАО, ни Финно-угорского общества не появилось. Увольнение из Томского статистического комитета, трудности с поиском нового места работы, а затем переезд из Томска окончательно похоронили планы по публикации.

С.К. Кузнецов в 1890 г. издал результаты своих исследований. Автор ни словом не упоминал возникший конфликт, хотя и не удержался от выпадов в сторону оппонента. «На мою долю досталось не более одной трети на левом мысу и одной четверти на правом; все остальное скрыто бывшим редактором-издателем “Сибирской газеты”, ныне помощником акцизного надзирателя в Минусинском округе – А.В. Адриановым... Все, или почти все остальное скрыто потом г. Адриановым» [14. С. 4, 62–63]. Ситуация, сложившаяся вокруг Томского могильника, наглядно показывает положение в области охраны и управления археологическим наследием в России в 80-х гг. XIX в. Вовлечение в спор «университетской корпорации» города, использование для разрешения специфического «археологического» спора «третейского суда» свидетельствуют об отсутствии в стране какой-либо действенной системы, регламентирующей полевую деятельность.

Императорскую Археологическую комиссию в 1887 г. уже более года возглавлял А.А. Бобринский, сменивший на этом посту в начале 1866 г. А.А. Васильчикова, не обращавшего серьезного внимания на административные вопросы. Новый глава ИАК, с первых шагов поставивший своей целью централизацию выдачи разрешений на право раскопок, в ноябре 1886 г. инициирует письма Министерства внутренних дел о «строгом... воспрещении кому бы то ни было предпринимать какие-либо археологические

раскопки на казенных, церковных и общественных землях без специального разрешения на то императорской Археологической комиссии» [15. Л. 11–12]. Эти директивы принципиально ограничивали права археологических обществ в вопросах проведения раскопок. Но что могло измениться за несколько месяцев, к весне 1887 г., если тяжбы Археологической комиссии и Московского археологического общества о праве выдачи открытых листов продолжались вплоть до 1917 г. В связи с этим необходимо отметить, что к началу работ на Томском могильнике и А.В. Адрианов, и С.К. Кузнецов были известны в археологическом сообществе, но открытые листы в Археологической комиссии они ранее не запрашивали.

В письмах А.В. Адрианова к А.А. Бобринскому мы не увидим понимания главенствующего положения Археологической комиссии. «Я до сих пор нахожусь в недоумении, каково отношение комиссии к пр. археологич. обществам. Из письма и открытого листа комиссии видно, что все находки поступают исключительно в распоряжение комиссии; из открытых же листов других Обществ можно заключить, что вещи и отчет о раскопках поступают в эти последние и приобретаются ими или оставляются в руках нашедшего. Мне это кажется противоречием, которое объяснить тем более необходимо, что я нахожусь в переписке и в обязат. отношениях как к комиссии, так и к Московскому археологич. общ. И решительно не знаю, как мне поступать, пока эти отношения не будут выяснены» [8. Л. 75].

Хотя А.В. Адрианов признает за ИАК несомненный авторитет, он не скрывает от А.А. Бобринского, что направил в Московское археологическое общество «небольшой отчет о предварительном осмотре лагерного мыса», а в ответ получил «свидетельство на раскопки». К председателю Археологической комиссии А.В. Адрианов обращается лишь с просьбой признать «справедливым распоряжение о приостановке работ г. Кузнецовым в этом месте», т.е. подтвердить легитимность решения «третьего суда» [87 Л. 1 об.]. Он апеллирует к авторитету комиссии, но не ссылается на ее административные права. С.К. Кузнецов, который так кичился своей приверженностью правилам ИАК, в 1889 г. пренебрег ее указаниями о праве А.В. Адрианова на раскопки могильника и начал копать, ссылаясь на решение администрации Томского университета. А.В. Адрианов не считал своей первостепенной задачей составление научного отчета, а отдавал предпочтение написанию научных статей по результатам раскопок могильника. Предоставление отчета по результатам полевых исследований еще не воспринималось в научном сообществе как обязательная процедура. Чаще стремились утвердить приоритет путем скорейшей научной публикации. К моменту начала конфликта вокруг Томского могильника до принятия судьбоносного императорского указа 1889 г. об исключительном праве ИАК на выдачу открытых листов и регламентацию полевых исследований оставалось еще два года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А.В. Адрианов называет другую, но схожую фамилию – Лакшин.

² Это было 7 апреля 1887 г. [8. Л. 9]. В другом документе С.К. Кузнецов говорит о четверге (8 апреля) [8. Л. 26]. Но в любом случае, в интерпретации С.К. Кузнецова действие происходит ранее 10 апреля, даты получения сведений от Лапшина по версии А.В. Адрианова.

³ Макушин Петр Иванович (1844–1926), томский книготорговец и просветитель.

⁴ Буткеев Петр Александрович (1841–1914), соратник П.И. Макушина на ниве просветительства.

⁵ Как объяснял сам С.К. Кузнецов, он не мог «по безденежью» отправить телеграмму раньше [8. Л. 26 об.].

⁶ Петухов Нафанаил Назарович, действительный статский советник, в 1881–1889 гг. занимал пост председателя губернского правления. Фактически, в связи с болезнью томского губернатора А.Ф. Анисина, долгое время (с 1886 г.) заправлял всеми губернскими делами. Он продолжал их исполнять и весной 1887 г., вплоть до приезда нового губернатора А.И. Лакса, формально назначенного 5 апреля, но появившегося в городе только 22 мая.

⁷ Не исключено, что знакомство А.В. Адрианова с К.М. Протопоповым произошло на ниве любви к древностям и этнографии. В археологическом и этнографическом музее Томского университета имела «коллекция Протопопова, заключающая в себе утварь, одежду и т.п. инородцев Амурской области» [16. С. 261–262].

⁸ С.К. Кузнецов утверждает, что именно Н.Н. Петухов утвердил А.В. Адрианова на должность секретаря статкомитета и зачислил в штат губернского правления [8. Л. 31], а не вскоре прибывший новый губернатор А.И. Лакс, которому обычно приписывались эти действия [5. С. 25–26].

⁹ Gratis (лат.) – бесплатно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). М., 1952. Т. 1.
2. Чиндина Л.А., Яковлев А.Я., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск, 1990. Т. 1.
3. Томский могильник. Извлечения из дневника раскопок, произведенных А.В. Адриановым в 1887 и 1889 гг. // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1889 год. СПб., 1892.
4. История Сибири. С древнейших времен до наших дней : в 5 т. Л., 1968. Т. I.
5. Дэвлет М.А. В «Сердце Сибири» // Археология Сибири: историография и источники. Омск, 1996.
6. Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1412. Оп. 3. Д. 15.
8. Рукописный архив Научного архива Института истории материальной культуры РАН (РА НА ИИМК). Ф. 1. Оп. 1. 1887. Д. 26.
9. Сибирская газета. № 15. 12 апреля 1887 г.
10. Сибирская газета. № 17. 26 апреля 1887 г.
11. Судебные уставы. СПб., 1867. Часть первая.
12. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 381. Оп. 2. Д. 7.
13. РА НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1887. Д. 62.
14. Кузнецов С.К. Отчет об археологических розысканиях в окрестностях г. Томска, произведенных летом 1889 года, с рисунками, картой, планом и четырьмя таблицами рисунков и чертежей. Томск, 1890.
15. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 454. Оп. 2. Д. 102.
16. Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск, 1917.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 декабря 2012 г.